

Честно говоря, о новом альбоме Вячеслава Малежика я мог сказать только то, что на его обложке певец похож на молодого Аль Пачино. Но сам Малежик с редким упорством ставил все новые и новые песни, видимо, рассчитывая если и не на похвалу, то на какую-либо положительную реакцию. «Не современно», — не подумав бросил я, и Вячеслав надавил на какую-то кнопку стереосистемы в своем новеньком «Опеле», которая тут же выплюнула кассету, и на смену гитарным аккордам моего соотечественника пришли переборы Эрика Клэптона. «А это — современно?!» — чуть не закричал Малежик. Я замялся. Похоже было, что спасти положение удастся лишь резкой сменой темы, а молчание в ответ на вопрос придется списать на плохой слух и шумы от мощной печки, включенной Вячеславом по слуху странного для середины весны холода за окном одиночно стоящей на обочине машины...

— В свое время вы писали не только песни для публики, но и кое-что для себя — сказки для сына, какие-то дурацкие, по вашему же выражению, рассказы. Насколько мне известно, сейчас ваш сын уже вырос, и, видимо, сказки вы писать перестали...

— До последнего времени я традиционно рассказывал младшему сыну Ивану две-три сказки, которые сочинял тут же, на ходу. Причем это был такой почти что мексиканский сериал, в котором было четыре главных героя — сам сын, его дружок-зайчик по имени Тук-тук, Лиса и Волк. Чтобы проучить Волка, Ваня либо уподоблялся Бэтмену и атаковал его с воздуха, либо превращался в Иксиандра и подкарауливал его на водопое. Причем все заканчивалось хеппи-эндом: Волк всегда был посыпан и просил у Вани прощения.

— Судя по его возрасту, он слушает все эти байки уже года три.

— Да, но недавно мы с ним расстались всего на две недели, и когда я вернулся и предложил сыну очередное продолжение, он сказал: ну если ты хочешь, то можешь рассказать.

— Я так понимаю, что это не страшно — остается еще старший, которому сейчас, должно быть, девятнадцать: можно что-нибудь более серьезное придумать и для него...

огда я еще был полуумным отцом и считал, что произошло эпохальное событие, ибо появившийся у меня наследник должен обязательно удивить мир, я много времени уделял воспитанию и кое-что писал именно для него. Может быть, эти песни передут по наследству и Никита будет распевать их уже внукам. Не знаю...

— Значит, старший сын знаком с вашим ранним творчеством...

— А что вы называете моим ранним творчеством?

— Например, первую, ставшую знаменитой песню «Наташка», написанную под влиянием битлов еще во время учебы в МИИТе...

— А, это... Конечно, знаком. Но что сын? Прошло столько времени, что я сам уже забываю собственные песни. Моя подруга Ирина, с которой мы долго сотрудничали в ансамбле «Пламя», окончила режиссерский факультет ГИТИСа и как-то решила сделать некое сценическое действие на основе моих песен. И когда я пришел на премьеру в качестве почетного гостя, то и обнаружил несколько вещей, о которых забыл. Пришлось переписывать слова собственных песен.

— Я спрашивал о знакомстве Никиты именно с ранним творчеством потому, что было интересно, все ли там для него понятно. Во всяком случае, я слышал там много достаточно странных слов, и смысл их для меня так и остался загадкой. В той же «Наташке» в оригинале было: «В окне Наташка мечтается — она на третьем месяце»...

— Ну было (говорит Малежик кислее кислого).

— Но потом, побоявшись отчисления из института, «третий месяц» заменили на «как дерзкая разведчица». Уж

извините, но что это значит, лично я понять не могу.

— Стихи были не мои. А песня написана в 1967-м, когда я, учась в институте (в одной группе с нынешним депутатом, а тогда — простым отличником Константином Боровым, — Авт.), был двоечником. Когда же наступало время выпускных вечеров, передо мной ломал шапку декан факультета и я вытряхивал всякие поблажки. К одному из таких вечеров и была написана «Наташка», и мы действительно испугались испортить отношения. А одни слова были заменены на другие просто потому, что рифма подходила. Потом хотели переделать текст, но руки так и не дошли.

— И вы на самом деле за нее ничего не получили? Я слышал, что, если бы вы залили «Наташку» вовремя, могли бы купить никак не меньше двух «Волг»...

— Это так. Но время шлягера — кратковременно, и потому, когда ее популярность сошла на нет, уже туже денег не приходило. Сейчас ее поют «На-На»...

— Забавно, как ваша Наташка за двадцать лет поменялась: в песне «Женский монастырь» главная героиня — опять же девушка по имени Наташа, но за это время она перебралась из окна, где металась в конце шестидесятых, в богоугодное за

ведение: «И стоит хмельной аромат в келье у Наташки, и подряд три ночи не спят юные монашки»...

— С песней «Женский монастырь», которая отвечает всем законам шлягера, происходит вообще что-то не вообразимое: я ее всего пару раз пел на концертах, но до сих пор не могу

записать в студии — уже четыре года. Может, это какое-то знамение? Может, высшие силы против этого произведения?..

— Как знать. Во всяком случае, факт то, что с песней «Летел мужик на дельтаплане» у вас также непростые отношения — вы откалились от ее исполнения после того, как автор, подобно своему герою, разбрался, упав с двенадцатого этажа...

— Да много странного происходит. Я, например, несколько раз собирался съездить в один из женских монастырей — не с концертами, а как бы с бесседой под гитару. Дважды знакомый священник назначал дату, и оба раза все это по непонятным причинам срывалось... А что до Наташки, так у меня еще две песни есть, где главное действующее лицо — дама с этим именем. Так что скандальная пресса при желании могла бы на этом поиграть...

— Ну, скандальную прессу в свое время скорее мог привлечь тот факт, что Алена Апина каким-то странным образом выступала с вами в Ашхабаде и Баку — лет шесть назад. Говорили так: дескать, променял Малежик Катю Семенову на эту, новень-

ую. А ведь семейный человек!..

— Занятно! А ведь я пару раз сам пытался выдумать темы для разговоров, но выяснил, что вовсе не мастер в этой области. К примеру, в то время, когда ходили упорные разговоры о наших теплых отношениях с Катей, мы вместе записали песню. После чего решили, что хорошо бы сняться для телевидения вместе со Светланой Лазаревой — в надежде на то, что станут говорить: Малежик поменял Катю на эту исполнительницу. Но самое странное, что сплетня появилась, но совсем другого плана — что я увел эту девушку у композитора Симона Осашвили. Так я выяснил, что не умею организовывать скандалы и сплетни вокруг своего имени.

— Это же ужасно — по теперешним временам!

— Конечно. Помните, когда начала падать популярность «Скорпионз», лидер группы сказал, что надо срочно писать новый шлягер, на что менеджер возразил: если что и делать срочно, так это громить апартаменты в гостинице.

— вы, прекрасно зная об этом законе шоубизнеса, выказываете такую беспомощность. Видимо, в вас до сих пор сидит тот самый инженер железнодорожного транспорта, на которого вы учились без малого пять лет...

— Я для себя выяснил: жизнь — достаточно короткая штука, надо получать удовольствие. А мне удовольствие доставляет творчество, а не проектирование скандалов.

— Но надо же понимать, что и творчество после определенных гедоний могло бы пойти в гору. Если я правильно понимаю, не услышанного публикой материала — великое множество. Ведь вы же сами говорили: пишу в ночь по две песни, а если не дает жена — по три.

— Я придумал такую фразу. А дела, которые, по твоим словам, пошли бы в гору, на той горе и были — весь кайф, который можно там поймать, я поймал. Может, теперь гора не стала...

— Когда она была «та», вы говорили, что добились успеха на все 120 процентов — потому что в вас хохляцкие корни и, как тот хохляцкий ефрейтор, вы обязаны были вернуться домой с лычками. Но время проходит, и после 120 процентов должно быть 130, 140, но когда становится сто или девяносто — тут уж беда, и только...

— Ну, сегодня лычками вряд ли

можно хоть кого-то обрадовать, так что считай, что я уволился в запас — взяв свое. А потом и соревноваться как-то не хочется...

— Еще в детстве отсоревновались, участвуя в районных и городских олимпиадах по физике и математике?

огда у меня спросили, откуда ли я на

своей спине дыхание молодых, я отве-

тил, что если мы и бежим, то в разные стороны. И по-

тому, по каким ка-

тегориям я должен сражаться? По ко-

личеству показов по телевизору?

— Главное поймите, что я вас ни за

что не агитирую. А что до показов,

так вроде они еще никому не мешали.

Выходит, либо вас не показывают во-

обще, либо надо иметь деньги — са-

мого телевизионные редакторы вряд ли

придут и скажут: Вячеслав, давайте

скорее ваш новый ролик, мы собираем

ся крутить его по ОРТ в самое пре-

красное время.

— Естественно. И я не буду говорить о своей целомудренности, что я никому никогда не платил, — внутри себя я пришел к мысли, что само понятие «шоубизнес» состоит из двух слов, одно из которых — «бизнес». А я еще помню политекно-

номию: для того чтобы получить то-

вар, надо сначала вложить деньги. И я в принципе понимаю, что мож-

но жить по этой формуле. Так что

какой смысл сейчас бить себя в грудь и пытаться поломать систему,

по которой мы живем, — наверное, это не моя задача. Я же должен пи-

сать новые песни, причем делать это

хорошо. Правда, до недавнего време-

ни у меня не все получалось с за-

писью нового альбома: видимо, в

силу своей интеллектуальной даль-

нозоркости я не мог разглядеть того,

что близко. Но потом я вспомнил о

своем давнишнем приятеле Виталии

Белякове, шефе «Союза». И меня

смогли убедить, что лучше этой сту-

дии в издательском деле никого нет.

Я подумал и решил попробовать.

— Не жалеете?

— Жалеть еще рано — пока все нра-

вится. Но если альбом не будет

иметь успеха, то во всех неудачах я

обвиню не себя — любимого, а «Союз».

— И все же давайте закончим с телевидением. Если я правильно понял,

вы смирились с тем, что оно, сделав

вас солистом, теперь к вам же повер-

нулось прямо противоположным лицом?

— Не телевидение сделало меня из-

вестным — кассеты, и только они. К тому времени, когда меня увидели в передаче «Шире круг», я был уже популярным человеком — по песням, не по лицу.

никто не прогнозировал успеха тех или иных ваших песен — уже став узнаваемым человеком, вы признались, что для вас популярность — полная неожиданность, хотя и приятная.

— Да. Но свой первый альбом я записал только для того, чтобы самому разразиться. Чтобы потом мне не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы.

— Но может быть, если бы вы не покинули Всесоюзный НИИ стандартизации, вам было бы еще менее мучительно и вовсе не больно?

— Я никогда не думал, что стало бы со мной, если бы я не покинул этот НИИ. Но я был способным. Может, преуспел бы при рытье канав от угла до обеда. Вот только лопаты не нашлись под рукой... Но так уж получилось, что Господь наделил меня преимущественно умением играть на музыкальных инструментах.

— Я-то думал, что это отец помог вам заметить в себе самое некоторую склонность к игре и пению, поставив в четырехлетнем возрасте на табурет перед гостями.

— Это не отец — он был шофером и зарабатывал деньги, ему было не до пения.

— Пусть так. Однако именно на той самой табуретке вы в первый раз исполнили «Летят перелетные птицы», песню совсем не детскую.

— Что по радио слышал, то и спел. Это были старые песни о главном.

— Вот, оказывается, у кого Парфенов переддал.

— Угу... Может же говорить серьезно, моя мать, человек из крестьянской семьи, как-то спросила меня: почему не ты должен быть первым? А отцовская хохляцкая кровь помогла не забыть об этих словах и добиваться той самой пресловутой лычки, о которой ты говорил...

— Значит, полувековой юбилей, отмеченный недавно всеми почитателями вашего творчества в едином по-

раве...

га, в едином. Я-то думал, что стал почти так же знаменит, как Ленин, но через пару недель после пятидесятилетия приехал в Йошкар-Олу, где меня приветствовали в детский дом. Выходил на сцену, а там уже директорша поджидала и обращалась к залу: дети, вы знаете это? знаменитого артиста, он написал много хороших песен, как его зовут? Вокзальная певица. После — одинокий голос: «Иванушка-Интершнай?»

— Наверное, сложно запомнить фамилию, которую к тому же в свое время переврали: был ведь не Малежик — Милежик.

— По-моему, даже Малежик, но это ерунда. Саша Барыкин тоже ведь не Барыкин — Бырыкин.

— С этим разобрались. А вот кто все-таки поставил вас, четырехлетнего, на табурет — нет.

— Да я сам-то, честно говоря, сегодня не помню...